

КНИГА ВТОРАЯ

МОЙ ТЕАТР

НИКОЛАЙ
ЦИСКАРИДЗЕ

Николай Максимович Цискаридзе

Мой театр. По страницам дневника. Книга II

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70183792

Мой театр. По страницам дневника. Книга вторая: АСТ; Москва; 2024

ISBN 978-5-17-159657-6

Аннотация

Вокруг имени Николая Цискаридзе по-прежнему бурлят страсти. Его успешная в разных областях деятельность вызывает искреннее уважение и признание у одних, раздражение и зависть у других. Не потому ли, что сегодня он – один из немногих, кто является действительно значимой личностью в искусстве, талантливый и непримиримый в отношении культа крикливой бездарности.

«Мой театр. Книга II» – продолжение автобиографии, созданной на основе дневника 2003-2013 гг. Вернувшись в Большой театр после травмы, едва не стоившей жизни, приходится заново доказывать право на звание премьера. Руководство пытается тормозить успешное развитие карьеры, заявляя – «незаменимых нет»; его не устраивает и быстро растущая благодаря ТВ популярность артиста у широкой зрительской аудитории. Настоящей трагедией становится

«реконструкция» ГАБТа. Второе дыхание дарит участие в гала звезд по всему миру, проекты «Короли танца» и «Русские сезоны XXI век», тесное сотрудничество с Мариинским театром, приглашение вновь танцевать в Парижской опере, профессия педагога. Но судьба преподносит новые испытания. В начале 2010-х годов в процессе борьбы за власть в ГАБТе провоцируются громкие скандалы с целью оклеветать и уничтожить Цискаридзе. Однако их организаторы терпят поражение, оказываются сами жестоко наказаны жизнью.

Драматичный, непредсказуемый сюжет этой книги полон и счастливых, светлых воспоминаний – о достижениях учеников, творческих победах, а главное, о дорогих для автора людях: Семёновой, Пестове, Пети, Жанмер, Григоровиче, Максимовой, Плисецкой, Хазанове, Неёловой, Образцовой, Вишневской, графине де Дория, Демидовой, Винер-Усмановой, Фрейндлих, Виктюке, Гундаревой, Аллаия, Чайковской, Фоменко и других. Связанные с ними истории, полные юмора и человеческого тепла, приоткрывают занавес над личной жизнью танцовщика.

Книга рассчитана на самую широкую аудиторию. Большинство фотографий публикуются впервые.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

IV. Зрелость	7
Часть I	7
1	7
2	12
3	15
4	18
5	22
6	26
7	28
8	31
9	33
10	35
11	37
12	38
13	42
14	45
15	47
16	50
17	51
18	54
19	57
20	60
21	62

22

64

23

66

Конец ознакомительного фрагмента.

69

**Николай Максимович
Цискаридзе
Мой театр
По страницам дневника
Книга вторая**

*Если выжившие львы не расскажут, как это
было, это сделают охотники.
Африканская пословица*

*** * ***

© Н. Цискаридзе, текст, фото, 2023

© И. Дешкова, текст, фото, 2023

© И. Захаркин, фото, 2023

© М. Логвинов, фото, 2023

© Мариинский театр, фото, 2023

© Е. Фетисова, фото, 2023

© Д. Юсупов, фото, 2023

© ТАСС, фото 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

IV. Зрелость

Часть I

1

...Перед отъездом из Москвы в Париж на операцию одна приятельница вызвалась меня куда-то подвезти на своей машине, я ходил с трудом, сильно хромая. Рядом со мной в салоне автомобиля оказалась ее подруга. Мы познакомились, завязался какой-то банальный разговор, в том числе о травме. Женщина вдруг спросила: «Когда у вас операция?» – «24 ноября». – «А когда у вас день рождения?» – «31 декабря». Она вдруг: «Очень вас прошу, не оперируйтесь 24-го, перенесите операцию хотя бы на неделю». – «Я не могу, все уже оговорено». А она: «Это день затмения, очень нехорошо, не надо вам оперироваться в этот день...» Я ту женщину не слушал.

По плану я должен был после операции пролежать в клинике всего три дня, а на четвертый уехать в спортивный реабилитационный центр, расположенный в Капбретоне, и провести там на восстановлении два месяца. Чтобы здоровым, полным сил и желаний вернуться на сцену Большого театра.

План казался четким и простым в исполнении, я совсем не волновался. Какой известный танцовщик или спортсмен обходился без травм?

24 ноября 2003 года доктор Тьерри Жондрель оперировал меня под общим наркозом. Благодаря эндоскопической операции на моем колене нет никаких шрамов – только три малозаметные точки, филигранная работа.

Из французских газет я знал, что недалеко, в соседней клинике, такую же, как мне, операцию сделали сыну актера Жерара Депардье – Гийому, который несколько лет назад упал с мотоцикла, серьезно травмировав ногу. Мы были знакомы, не близко. Гийом, по-моему, ухаживал за какой-то танцовщицей в Оперá, я видел его несколько раз в театре.

После наркоза я, к удивлению врачей, очень быстро пришел в себя, у меня не было недомогания или каких-то неприятных ощущений. Отлично себя чувствуя, на второй день на костылях я вышел в коридор, а на третий день предвкушал, что завтра отправлюсь к океану, на реабилитацию. Мне уже готовили документы на выписку, как к вечеру, совершенно неожиданно, температура подскочила под сорок. Поднялась и, несмотря ни на какие медикаменты, капельницы, не падала.

Вся клиника пришла в волнение, забегали врачи, засуетился медперсонал. У меня начался сильный жар. Доктора не сразу смогли установить причину такой реакции моего организма. Анализы зашкаливали, показывая, что дела мои –

хуже не бывает.

Тут и всплыла история с теми самыми прыщиками, которые я принял за раздражение и свел в Москве при помощи мази. Выяснилось, что у меня на коже именно таким образом проявился *staphylococcus aureus*, то есть золотистый стафилококк. В парижской клинике я о прыщиках никому не сказал, мне просто в голову не пришло беспокоить доктора Жондреля такими пустяками. Это было роковой ошибкой, потому что бактерия золотистого стафилококка смертельно опасна. У меня диагностировали сепсис...

Позднее я узнал, что у Гийома Депардьё, как и у меня, из-за золотистого стафилококка после операции случилось заражение крови и началось самое страшное – гангрена. Ему отняли сначала стопу, потом ногу по колено... Он стал ходить на протезе. Однако через несколько лет история повторилась, усилия врачей оказались напрасны, Гийом умер.

Как я теперь понимаю, подобный сценарий мог ожидать и меня. Но, находясь в беспамятстве, в бреду, я вообще не понимал, что происходит. Никто из врачей и медсестер не показывал вида, что я стою на краю могилы. В те страшные дни рядом со мной в клинике находились два ангела-хранителя – Галя Казноб и Маша Зонина. В отличие от меня, они знали об истинном положении вещей, со страхом ожидая дальнейшего развития событий.

В течение трех недель мне сделали десять операций под общим наркозом, надо было постоянно промывать сустав,

чтобы не допустить гангрены. Меня брали в операционную последним как гнойного больного, в конце дня. И каждый раз это было путешествие в очередной круг ада. Я изучил весь свой маршрут от палаты до операционной по потолкам и лампам. Я видел их множество раз, когда меня везли по коридорам на каталке. Провожая меня в операционную, Галя каждый раз боялась, что меня могут привезти в палату с ампутированной ногой.

Когда после очередной «чистки» я приходил в себя, наркоз отходил и начинались выматывающие боли. В такие моменты приходила медсестра, капала морфий на кусочек сахара, чтобы хоть как-то облегчить мои мучения.

Маша звонила мне на мобильный телефон в течение ночи по несколько раз. Ее предупредили, что я могу умереть в любую минуту, не дожив до следующего утра. Если я, хоть и в бреду, брал трубку, значит, я был еще жив...

Несмотря на все усилия врачей, температура ниже сорока не опускалась. Я потерял чувство времени, день путался с ночью, в глазах все кружилось, в бреду казалось, что я летаю, танцую, опаздываю на сцену... Из ночи в ночь меня преследовал один и тот же кошмар: я выхожу на сцену, вроде бы нога есть, а пытаюсь наступить на нее, понимаю, что ее нет! В таком лихорадочном состоянии я звонил в Москву, просил забрать меня домой, говорил, что умираю.

Галя проводила со мной весь день, уходила домой только переночевать. Но, когда она уходила, я оставался один в

крошечной палате, и тогда мне становилось по-настоящему страшно. Клиника находилась хоть и в центре города, но не в самом благополучном районе Парижа, потому вечером все ее окна закрывались металлическими ставнями. Я чувствовал себя так, словно уже оказался в гробу.

Есть я не мог, меня «кормили» через капельницу. Вес таял вместе с моими силами. Я стал похож на скелет, обтянутый кожей. Как-то лежу, вечереет, температура опять под сорок, в палате доктор и анестезиолог готовят меня к очередной операции. Вдруг открывается дверь, в проеме стоит жандарм в полной форме, с торчащими в разные стороны усами, как в кино: «Êtes-vous, Nikolai Tsiskaridze?» Я опешил: «Oui». Он протянул мне письмо с гербовой печатью Франции. Премьер-министр г-н Раффарен писал, что очень обеспокоен моим состоянием и желает мне скорейшего выздоровления. Он помнил меня по «Жизели» в Москве. А второе его письмо – разгромное – было адресовано клинике, мол, что это такое, золотистый стафилококк, вы что, с ума сошли?! К ним тут же заявила проверка. Неожиданно для себя и клиники я оказался персоной государственной важности.

Через две недели, когда температура впервые упала до 38-ми, я взмолился: «Если вы мне не дадите помыться, я умру». Врачи смотрели на меня с ужасом, как могли, отговаривали, но я уперся: «Я хочу умереть чистым».

Чтобы я смог принять душ, меня, в прямом смысле сло-

ва, запаковали: рука с торчащей в вене иглой от капельницы, которую не отключали, и нога были полностью замотаны скотчем. Я встал под душ. Когда вода коснулась моего лица и струйками потекла к шее... Ничего лучшего в жизни я не испытывал. Только тогда, оказавшись на грани смерти, я наконец понял, что значит настоящее Счастье.

Но это крайне важное для меня открытие никак не меняло положения дел. Парижские врачи уже боролись не за мою ногу. Они боролись за мою жизнь. Что будет со мной дальше, мог знать только Всевышний.

2

А в Парижской опере каждый день начинался с совещания по поводу Цискаридзе. Директору Югу Галю предоставляли полный отчет по моему самочувствию – температура, состояние, как лечат, чем лечат. И каждый день один и тот же ответ из клиники: ситуация по-прежнему критическая...

Несмотря на это для персонала госпиталя – врачей, медсестер и нянечек – я стал чем-то вроде местной достопримечательности. Видимо, визит представителя французского премьер-министра и шумиха, поднявшаяся вокруг моей персоны, произвели на них большое впечатление. Смущаясь, они заглядывали в палату и, если я был еще в состоянии им кивнуть, просили разрешения со мной сфотографироваться. Я не отказывал, пребывая в уверенности, что едва ли стану

украшением этих снимков: кожа да кости, волосы еще не отрасли, перед операцией я коротко постригся.

Галя Казноб по-прежнему проводила со мной дни напролет. Стараясь хоть как-то скрасить тягостное течение времени, даже заставляла меня учить французский язык. Но как только мы начинали спрягать глаголы, у меня поднималась температура, пришлось отказаться от занятий.

В госпитале меня постоянно кто-то навещал, как говорится, «народная тропа» не зарастала: Элизабет Платель, Брижит Лефевр – постоянно, Маша Зонина каждый день, Катя Новикова, приезжавшая в Париж...

Однажды в моей палате появился Владимир Рен. Потомок первой волны русской эмиграции, он пользовался большим уважением среди наших соотечественников в Париже и вообще во всем мире русского зарубежья. Владимир Владимирович пришел не один, а с православным священником из храма Александра Невского, что на rue Daru.

Я причастился, и было такое чувство как будто кто-то меня отпустил... Впервые за эти недели я заснул сном младенца, без укола, крепко и безмятежно. На следующий день с утра упала температура. Врачи диву давались. Иначе как чудом это никто назвать не мог.

Я просто физически ощущал, как жизнь возвращается в мое тощее, слабое, измученное тело. Когда меня отключили от капельницы, все вены на руках оказались исколоты до такой степени, что на них не было ни одного живого места.

Перед выпиской медсестры Сильве и Рене подарили мне шприц. На нем фломастером они написали свои имена и дату: 18.12.03, то есть 18 декабря 2003 года, дату выписки. Напоследок обломили у этого шприца «носик». Сказали, есть такая примета, чтоб не было дороги обратно, в клинику. Теперь шприц у меня дома лежит на видном месте, в назида-ние, чтобы я не забывал, что такое по-настоящему плохо.

В тот же день Маша Зонина провожала меня на вокзале Монпарнас. Я ехал на восстановление в Капбретон. Поскольку во время лечения в Париже меня опекало и посольство РФ, там выделили человека, который сопровождал меня до самого реабилитационного центра. Цискаридзе купили два билета: на одном месте сидел я, на другом лежала моя нога.

На вокзале я почувствовал себя наисчастливейшим человеком оттого, что впервые за долгое время ехал не в операционную. Благодать! Раннее утро. Мимо провезли тележку со свежими багетами, и такой дух от них шел! «Маш, я кушать хочу», – вырвалось у меня. «Что?! Что ты хочешь?» – подпрыгнула в изумлении Маша. Повторяю, уже с уверенностью: «Я хочу багет». Она вскочила, побежала, купила мне шесть багетов с сыром и колбасой.

Два самых длинных были съедены сразу. Я рвал багеты зубами, как зверь, и торопливо, не дожевывая, жадно глотал куски этого пахучего мягкого хлеба. «Коля, пожалуйста, – стонала Маша, – у тебя сейчас заворот кишок случится!» Не знаю, ел ли я в жизни что-то вкуснее. Оставшиеся четыре

багета были взяты с собой в дорогу, их я жевал потихоньку, но приходилось себя сильно сдерживать.

3

Через пять часов поезд прибыл в Биарриц. Декабрь, плюс 25 градусов! Оттуда до Капбретона, где находился CERS – Centre Européen de Rééducation du Sportif, минут двадцать на машине.

Европейский центр реабилитации спортсменов располагался на живописном утесе, нависавшем над Атлантическим океаном. Здание в форме треугольника. Самый «козырный» номер на верхнем этаже оказался моим люксом. Он стоил каких-то невероятных денег (за что надо сказать большое спасибо попечительскому совету ГАБТа).

Люкс был двухкомнатный, гостиная и спальня, большая ванная. А главное в нем – угловой шикарный балкон с видом на океан. Райское место.

Но радость моя оказалась недолгой, потому что ко мне тут же пришли врачи, протестировали ноги, измерив их «функционалку». Цель – чтобы, уезжая, моя больная нога была восстановлена не менее чем на 70 %. Сказали честно: «У нас большое количество пациентов, чтобы восстановиться, им надо работать очень много. А вам надо работать, как всем им вместе взятым, потому что подвижность вашего сустава, тонус и объем мышц ниже всякой нормы».

Врачи ушли. Поняв, что дела мои нехороши, я решил для поднятия настроения залезть в душ. Первый раз с момента операции взглянув на себя в зеркало, я увидел... жертву концлагеря Бухенвальд. До травмы я весил 72 кг, но теперь потерял около 10 кг. Левой ноги не было вообще, ни икроножной мышцы, ни бедра: просто кость и колено размером больше, чем моя голова. Ужас. Тогда единственный раз пришла мысль, что танцевать я не буду никогда, потому что так, с нуля, накачать мышцы невозможно.

Приняв душ, я вышел на балкон. Солнце садилось, по океанской глади скользили разноцветные доски серферов. Я смотрел на красоту, разлитую в природе, на этот закат, глубоко, с наслаждением, вдыхая океанский воздух... И вдруг понимаю: «Хочу черную икру!» Никогда в жизни у меня такого желания не возникало. У нас с мамой из-за этой икры всегда дикие скандалы происходили. Я тут же позвонил в Москву своей приятельнице, которая собиралась приехать ко мне в Капбретон на день рождения, и попросил привезти черной икры.

Центр, куда я попал, считался одним из лучших в Европе, клиника по типу пятизвездочного отеля. Здесь лечились спортсмены высшей категории – звезды типа Криштиану Роналду. Уклад жизни напоминал большой и дружный пионерский лагерь, в который приезжали на костылях, а уезжали на своих двоих. Ходячие ухаживали за теми, кто на костылях.

Когда появлялся новичок, вечером, во время ужина в сто-

ловой ему полагалось представиться – имя-фамилия, из какой страны и города, сколько лет, чем занимаешься. Я встал: «Мне двадцать девять лет, меня зовут Николай Цискаридзе, я из России, артист балета», раздались дикие аплодисменты, потому что весь этот «пионерский лагерь» – ребята от 16 до 22 лет – борцы, лыжники, футболисты. И тут я, 30-летний мальчик-колокольчик, самый шуплый и дохлый из всех. Были там и двое регбистов-грузин из английских клубов, под два метра ростом, красоты невероятной, не то что я.

День был жестко расписан. Утром – гимнастика, потом завтрак и далее по индивидуальной программе, которую назначал личный доктор: физиопроцедуры, тренажеры, массаж. Занятия начинались в 7:00 и длились до 17:00. Еще час давался на самостоятельную работу. В 20:00 ужин, и всё, баиньки!

В течение дня к моему прооперированному колену было привязано устройство, напоминавшее грелку. К нему вел шланг, опущенный в большое ведро, которое я должен был постоянно носить с собой. В ведре лед с водой. Когда «грелка» нагревалась, я поднимал ведро, в «грелку» заливалась новая порция холодной воды, охлаждавшей колено. Мы все с этими ведрами на костылях и ходили – сначала очень неудобно, потом привыкаешь.

Конструкция внутри здания была продумана до мелочей, вместо лестниц везде пандусы.

Были там и два бассейна. В одном нас учили ходить. Под

большим напором, под разными углами туда пускались струи воды, и ты ходил сначала в сопровождении своего личного врача, как по лабиринту, потом, окрепнув, уже один это проделывал. Во втором бассейне мы бегали, делали разные упражнения. В воде я проводил много времени, мне это очень нравилось.

Самым страшным испытанием среди занятий для меня оказался велотренажер. Тяжело было не педали крутить, а сидеть на нем, от боли слезы текли. Увидев кровавые синяки на моей тощей «пятой точке», доктора изумились. Мне тут же купили специальные шортики с подушкой на заднице. Я почувствовал, что жизнь налаживается...

4

Капбретон известен не только местом скопления серферов и своей прекрасной Мариной, куда приходят яхты со всего света. Я прямо-таки подпрыгнул от неожиданности, когда узнал, что покровителем города является Николай Чудотворец. Церковь Saint-Nicolas – одна из самых почитаемых городских достопримечательностей, ее высокая колокольня многие десятилетия, если не века, служила маяком для моряков.

Другим знаковым местом Капбретона оказался стоящий на сваях мол – Estacade, построенный в середине XIX века. Такие сооружения прикрывали входы в гавани. Встретив

в CERS католическое Рождество, на следующий день я решил на костылях по этому молу непременно прогуляться. Тем более что он находился совсем недалеко на набережной. При ближайшем рассмотрении мол оказался покрыт старыми досками, типа реек, между которыми зияли широченные щели. Но правильные выводы мною сделаны не были...

Когда я добрался до конца мола и обернулся назад, мама дорогая! Понял, что нахожусь один-одинешенек посреди водной глади! Обратно, ругая себя, я ковылял часа два. Костылями еще надо было попасть ровно на середину каждой рейки, чтобы не провалиться. Добираясь до своего номера, я проклинал все на свете. От напряжения страшно болели руки, отваливалась спина, однако мысль о том, что мол был мною все-таки покорен, компенсировала перенесенные неприятности.

Рядом с Капбретоном располагается город Байонна, куда раньше океан доходил, там находился большой порт. Это европейская родина шоколада, впервые зерна какао из Америки прибыли именно туда. И шоколад, и кофе по Европе развозились из Байонны. Кроме того, на весь мир прославился и Байокский окорок. В общем, кухня в этом регионе самая разнообразная, включая еще и всевозможные морепродукты. После болезни я не есть, я жрать хотел 24 часа в сутки, вот уж я там душу отвел!

Вокруг Капбретона находится много старинных замков. Изучив местный путеводитель, я наметил себе список до-

стопримечательностей для посещения. Неожиданно выяснилось, что во Франции я – большая звезда, у меня много поклонников среди учеников Школы танца при Парижской опере. Дети писали трогательные письма, присылали на адрес центра открытки с пожеланиями скорейшего выздоровления. Родители одного мальчика жили совсем недалеко от CERS. Он попросил своего отца, чтобы тот повозил меня по музеям. Я сказал: «С удовольствием!» – и поехал по окрестностям, положив костыли на заднее сиденье машины.

Рядом находится и Биарриц, очень русский французский город. В реабилитационном центре меня обнаружило местное Русское дворянское общество. Они сказали: «Мы знаем, кто такой Цискаридзе» – и пригласили меня сначала на православное Рождество, потом на празднование старого Нового года. Наши соотечественники с громкими и славными фамилиями оказались любезными, простыми в общении людьми: принимали у себя дома, возили по историческим местам и близлежащим городам.

Большое впечатление произвел на меня православный храм в Биаррице – Покрова Богородицы и святого Александра Невского, построенный в конце XIX века по указу императора Александра III. Церковь закрывается днем, но там действует правило: если вы говорите, что вы из России, вам ее откроют в любое время. Я постучался в дверь, сказал: «Из России» – двери тут же открылись. В общем, у пациента Цискаридзе, несмотря на костыли, не было ни одной сво-

бодной минуты!

Свои вылазки «в свет» я совершал по воскресеньям, у нас был выходной. В субботу мы работали до 14:00. Два раза в неделю полагалось общаться с психологом. У большинства спортсменов, находившихся на реабилитации в центре, у этих мальчиков-«шкафов» регулярно случались истерики. Самым стойким пациентом оказался я! Когда психолог меня спрашивал: «Comment ça va?», неизменно слышал: «Très bien». Они страшно удивлялись моей стойкости, не понимая, что такой вольной и насыщенной впечатлениями жизнью, вне театра, я не жил никогда.

Как и в парижском госпитале, в CERS Цискаридзе считался странным пациентом. У меня в Москве поклонница была, которая вязала все что только можно из собачьей шерсти. Приехав на реабилитацию, я захватил ее подарки с собой. Ничто так не согревает, как вещи, связанные из такой пряжи.

Санитарки, которые убирали номер, как-то спросили меня, указывая на «собачьи радости»: «Qu'est-ce que c'est?» Я бодро ответил: «Это chien!» С тетками случилась истерика. Другой раз заходят и видят: сидит пациент в собачьем поясе, в собачьих носках и ест ложкой черную икру прямо из банки (у меня к тому времени в холодильнике этих больших жестяных банок с черной икрой штук пять стояло). «Николя, нельзя есть столько caviar!» – «Но это очень вкусно, хотите?» Я им икру на багет мажу, а они руками машут: «Нет-

нет, что ты!»

5

Свое 30-летие я встретил в CERS 31 декабря 2003 года. День начался как обычно, занятиями по расписанию. Но мне постоянно звонили, поздравляя с днем рождения: Колпакова из Нью-Йорка, Плисецкая, которая сидела в Литве тоже после операции, Образцова и Неёлова, Григорович, Пети, Галь и Лефевр... Меня поздравляли не только родные и близкие, но и Большой театр. Пришла правительственная телеграмма от Президента В. В. Путина, премьер-министра Франции Ж.-П. Раффарена, министров культуры разных стран, включая министра культуры Франции, от Парижской оперы, La Scala, от Мариинского театра поздравил В. А. Гергиев... Все это приходило на гербовых бумагах, официальных бланках, и таких посланий было очень много. Ничего подобного в CERS еще не видели. Там думали, что Криштиану Роналду был самым знаменитым человеком из тех, кто там лежал, оказалось – нет. Его президенты и министры не поздравляли.

В преддверии Нового года в центре оставались только те, кто «на костылях». Остальные разъехались по домам. Вечером мы пришли в столовую, одна из стен которой была стеклянной. Оттуда открывался потрясающе красивый вид на океан. Столы накрыли по-праздничному: белоснежные ска-

терти, изящная сервировка, подали прекрасный ужин с вином. Компанию нам составили дежурные врачи, медсестры и санитары. Все меня поздравляли. Даже диджея пригласили, кто-то из персонала пел, кто-то танцевал. Среди нас оказалась только одна девушка – баскетболистка, которая уже без костылей ходила. Поднявшись со своего места, она заплясала за нас, за всех. Заплясала – это, конечно, громко сказано. Скорее, она топталась на одном месте, но для нас это был настоящий танец. Мы дружно подняли вверх костыли и стали ими в такт раскачивать. День рождения удался.

То время я вспоминаю как какое-то фантастическое путешествие: открываю утром глаза – передо мной океан, летают чайки; зима – а на улице солнце сияет, и тепло, как у нас летом.

Мало того, что я был завален поздравлениями, меня, как и в госпитале, постоянно навещали друзья и знакомые, приезжавшие во Францию из России, стран Европы, Америки. Персонал CERS и его пациенты с нескрываемым удивлением наблюдали за тем, что вокруг Цискаридзе происходило.

...Когда я полуживой лежал в парижской клинике, раздался телефонный звонок из Москвы – сообщили, что меня наградили премией «Триумф». На полном серьезе я тогда ответил, что, если выживу, обязательно куплю себе на эти деньги большой-пребольшой телевизор. У меня мечта была – большой телевизор. Поскольку я выжил, пришло время лететь в Москву на вручение премии.

Ехал через Париж. Повидал Пети, своего доктора, встретился со знакомыми. Это был последний день гастролей ГАБТа на сцене Оперá Гарнье. «Пиковую даму», как и сказал Галь, в афише заменили. Когда в театре некоторые наши артисты меня увидели, безумно обрадовались – решили, что никогда Цискаридзе на сцену не вернется. Я был страшно худой, с распухшим коленом, хромал. Никто даже не возмутился, что мне дали премию «Триумф», а это очень большие деньги – \$ 50 000. Они были уверены, что это мои последние награды.

Оказалось, перед парижскими гастролями, когда мои коллеги-премьеры поняли, что я слег надолго, решили поставить руководство театра в известную позу, потребовав за свои выступления большие гонорары, взяли больничные листы. В результате Уваров все-таки поехал танцевать в Оперá, а Филин нет. Вся французская пресса, зрители сожалели, что меня не было на тех гастролях. Вместе с труппой ГАБТа я вернулся в Москву.

Приехал на вручение премии. С возглавлявшей «Триумф» З. Б. Богуславской встретились очень тепло. Она ко мне всегда замечательно относилась, любила, мы с Зоей и теперь часто переписываемся. Компания награжденных у меня подобралась потрясающая: актер А. Баталов, дирижер Ю. Темирканов, джазмен, композитор и дирижер О. Лундстрем, поэтесса Е. Шварц.

Премия – это приятно, но надо было продолжать свое вос-

становление. Два месяца я сидел на сильнейших антибиотиках, приехав домой, стал делать все, чтобы привести свой организм в порядок, пошел к китайским врачам на иголки. Каждый день ходил в тренажерный зал, на массаж. Те, кто видел мою ногу, не могли скрыть своего ужаса. По их лицам не составляло труда прочесть приговор – танцевать не будет. Но у меня, на удивление, сомнений по этому поводу вообще не было.

Позвонил В. Я. Вульф, сказал, что в Москву приехал известный дирижер, будет выступать в Большом зале Консерватории с одним из концертов С. Прокофьева, пригласил составить ему компанию. Машины у меня не было, я передвигался по городу пешком. Иду, вижу в киоске продается газета с фотографией Гийома Депардье. Купил ее, а там написано, что после операции у него начался сепсис, потом гангрена, и что ему отняли часть ноги...

По дороге я эту газету выбросил. Встретился с Вульфом около консерватории, сели слушать концерт. Именно в этот момент ко мне пришло осознание того, что произошедшее с Гийомом могло случиться и со мной. Тут меня прорвало, слезы рекой полились. Виталий Яковлевич всполошился: «Коленька, что-то случилось? Тебе больно, плохо?» – «Нет, я только сейчас понял, что мог, как Гийом...»

13 марта я вернулся в Капбретон. В CERS обнаружился новобранец парень-футболист из Владикавказа, которому спонсоры оплатили не только курс реабилитации, но и личного переводчика. Им оказалась простая русская женщина откуда-то из глубинки, очень бойкая, вышедшая замуж за француза. Как-то мы с ней болтали, она и говорит: «Ой, я столько про вас тут наслушалась, мне столько про вас пона-рассказали, не представляете! Они все уверены, что вы из КГБ, не простой больной». Я от смеха чуть не задохнулся, но с серьезным видом спросил: «А что так?» – «Во-первых, номер у вас люкс, очень дорогой; во-вторых, их потрясло, что вы черную икру ложками едите. Значит, вы очень богаты, они сказали. К тому же вас весь Новый год поздравляли президенты и премьер-министры. Особенно их потрясло поздравление Раффарена, они его, в отличие от остальной почты, смогли прочесть!»

Конечно, очень смешно слышать такое признание, но реальное положение моих дел было далеким от смеха. Снова занятия с утра до вечера. Врач увеличил нагрузки. Я начал бегать в компании футболистов. Чудовищное испытание! Нога немела, отказываясь двигаться. В моей любимой сказке – «Русалочке» Г.-Х. Андерсена – ведьма говорит: «При каждом шаге тысячи кинжалов будут впиваться тебе в

ноги». Один в один так происходило и со мной.

Для восстановления сил, увеличения мышечной массы мне посоветовали есть мясо, а я обожаю сырое мясо. Я каждый день ходил куда-нибудь в ресторан и поглощал огромный стейк тартар, иногда двойной.

Потихоньку я стал округляться, но мышцы прооперированной ноги к концу моего пребывания в центре восстановились меньше чем на 50 %. К моему большому удивлению, когда я уезжал домой, со мной никто из медперсонала не вышел попрощаться. Потом выяснилось, что им было стыдно смотреть мне в глаза, никто не рисковал сказать, что танцевать я не буду никогда.

Еще любопытная деталь. Каждую среду в кинозале CERS для желающих крутили два фильма: первый про то, как делается во всех подробностях реальная операция; второй – что-то типа мультфильма, как правильно распределять нагрузку на мышцы. Я пришел посмотреть кино перед самой выпиской. Рядом со мной сидели ребята, только приехавшие на реабилитацию после операции. Сидим, смотрим, и вдруг эти огромные баскетболисты, регбисты, у которых я проходил под мышкой, как начали рыдать. Они с ужасом наблюдали операцию, как из ноги вынимают мышцу, скручивают ее, сшивают. Мне же, наоборот, все показалось очень интересным. Впоследствии эти знания по поводу правильной работы мышц оченьгодились в педагогике.

Пети в тот момент ездил по Франции со спектаклем «Ро-

лан Пети рассказывает...». В марте, собираясь выступить в Бордо, он пригласил меня приехать и в назначенный день прислал машину. Когда Ролан стал говорить о Большом театре и о «Пиковой даме», в зрительном зале зажгли свет, на меня направили луч, я встал, раскланялся при вручении букета. Было очень приятно получить такой подарок от Пети. Всё его окружение говорило: «Он ни к кому, как к вам, никогда не относился, как он любит вас!» После прекрасного ужина мы с Роланом расцеловались, он посадил меня в машину. Я отправлялся обратно в Капбретон.

Второй месяц моего восстановления в центре пролетел очень быстро, курс лечения закончился – как оказалось, не принеся ожидаемого результата.

7

Вернувшись в Москву, 13 апреля 2004 года, я первый раз после травмы пришел в репетиционный зал Большого театра. Навещая меня в парижской клинике, Элизабет Платель, тоже недавно перенесшая операцию на колене, сказала: «Николя, я приглашена на „Benois de la Danse“. Выйдешь со мной в Москве танцевать adagio из „Раймонды“?» Церемония должна была состояться 28 апреля на сцене ГАБТа, я начал заниматься 13-го...

Когда М. Т. Семёнова ушла из театра, мне дали вести ее класс. Как только я получил травму, в 11:00 моего класса

не стало, весь «семёновский полк» разошелся по другим педагогам. Наш Зал № 4, самый неудобный из всех в театре, пустовал. Я попросил свою приятельницу, концертмейстера Лену Сердюк, тогда Праздникову, мне помочь. Она бескорыстно приходила каждый день, играла, я в одиночестве делал экзерсис.

Спустя неделю ко мне подошли балерины Степаненко, Андриенко, Петрова: «А чего ты один занимаешься? А мы?» – «Да неудобно, девочки, я делаю все еле-еле...» Они: «Ничего». Стали ходить со мной заниматься. Все, кто учился у Семёновой, опять собрались.

Пока я лежал во французской клинике, в труппу приняли Пашу Дмитриченко. Его так «хорошо» учили в Московской академии хореографии, что он тут же порвал ахилл. Вернувшись в театр после операции, Паша женился на артистке Оле Клыпиной, которая его ко мне и привела: «Ты, Коля, восстанавливаешься, и Паша восстанавливается». – «Ну, приходите ко мне». Они тоже стали ко мне на класс ходить, потихоньку набралось много народу.

Меня не было в театре с ноября по март. В мае кое-кто из старшего поколения педагогов ГАБТа вдруг очнулся и пошел к руководству на меня жаловаться, человеку вдруг резко понадобился именно наш зал, маленький, неудобный, и именно в 11:00...

Пришлось, как и прежде, идти к директору театра Иксанову: «Анатолий Геннадьевич, я отсутствовал полгода. Пол-

года пустовал зал. За полгода педагог не сообразила, что ей хочется заниматься в 11:00. Вам не кажется это странным?» Зал остался за мной, но по театру пошли слухи, что Цискаридзе не успел вернуться, как начал скандалить.

Но меня эти дразги не волновали. Я думал, как привести в порядок ногу. В Большом театре была целая система лестниц: от первого этажа до крыши (путь длиною в пять ярусов). Каждый день, шагая через две ступеньки, я поднимался на самый верх, потом спускался, опять поднимался, наступая всегда с левой ноги, чтобы ее, прооперированную и слабую, закачать.

Наверное, к этим тренировкам меня подтолкнула история, как-то на досуге рассказанная Семёновой. Она всю жизнь ходила на каблуках. Никаких тапочек или туфель на плоской подошве. Себе не разрешала и своим ученицам тоже. Но однажды, Марине тогда 70 лет было, она где-то очень сильно подвернула ногу, повредив голеностоп. Врачи объявили, что теперь до конца своих дней Марина Тимофеевна будет не то что в обуви без каблука, с палочкой ходить! Они не знали характера этой женщины. Семёнова придумала себе «тренажер»: из тонкой веревки соорудила что-то типа петли с «хвостом», которую надевала на стопу, а длинный ее конец брала в руку. Наступая на травмированную ногу, она тянула веревку на себя, и стопа делала шаг. По прошествии какого-то времени Марина появилась в театре, как и прежде, в туфлях на каблуках. Ни о какой палке и речи быть не могло.

28 апреля мы с Платель вышли на сцену ГАБТа в «Раймонде». Стоя за кулисами, шутили, что, объявляя нас, надо бы сказать: «Спонсор показа – *sécurité social*». То есть французская социальная страховка, благодаря которой были оплачены наши с Лизой операции.

Никакого особенно волнения в момент выхода на сцену я не испытывал – встал и пошел танцевать. Другое интересно, перед приездом Платель я попросил Галю Степаненко пройти со мной *adagio* из «Раймонды». И понял – у меня только одна нога, другой практически нет, на ней не было мышц, она постоянно немела. А в дуэтном танце задействованы все коленные связки. Мое оперированное колено тряслось, связки еще неокрепшие, едва срослись.

8

Начать прыгать мне разрешили только через шесть месяцев после последней операции. Этот день выпадал на 13 июня 2004 года. Я решил выйти в четырех кавалерах в «Спящей красавице». Одна подруга мне и говорит: «Слушай, ты же всегда мечтал фею Карабос станцевать?» Я пошел к Ратманскому.

Пока я лечился, Акимова уволили и на должность художественного руководителя балетной труппы ГАБТа назначили Алексея Ратманского. Лёшу я знал с детства, он тоже у Пестова учился, выпускался в одном классе с Володей Малахо-

ВЫМ.

На мою просьбу исполнить партию Карабос Лёша важно заявил: «Я подумаю, Николай». Вдруг на «вы» стал со мной разговаривать. Жду день, второй, третий, четвертый – от Ратманского ни звука. Беру «ноги в руки», опять иду к Иксанову: «Я разве что-то плохое попросил?» В общем, сквозь зубы, мне дали спектакль 13 июня. Партия Карабос была «приватизирована» завтруппой Г. Яниным и еще одним весьма посредственным исполнителем.

Карабос я готовил с В. С. Ворохобко. Хотя ходил я еле-еле, занимался и репетировал с грузом на ноге. Василий Степанович уделил мне тогда колоссальное количество времени. Кроме того, каждый день в 11:00 я давал класс. Невероятно тяжело. Но из-за того, что я должен был дать класс для других, я и себя заставлял вставать и идти заниматься. Так бы я, конечно, начал утренний урок прогуливать.

Мне сшили новый костюм, дали сценическую репетицию. Я вышел... и присел в прямом смысле слова. Немеющая нога не хотела двигаться. Но день спектакля выдался каким-то волшебным, необыкновенным. Все старейшие работники ГАБТа оказались на своих местах: осветители, рабочие сцены, бутафоры. Саша Назарьянц, начальник костюмерного цеха, лично мной занимался, сам меня одевал, за мной ходил, держал воду и полотенце наготове...

Для этих людей я все равно являлся главной звездой балетной труппы Большого театра. В тот вечер мне было не то

что не страшно, мне безумно хотелось танцевать, потому что меня окружили такой заботой, о которой и мечтать невозможно. Все знали меня с детства: Г. М. Субботина, возглавлявшая бутафорский цех, ведущий спектакль режиссер И. А. Перегудов, Неля и Галя – осветители. Каждый раз, когда я вел спектакль и приходил на сцену, они кричали мне откуда-то сверху, с колосников: «Колька, мы здесь!» Я им обязательно в ответ, шутя: «Девочки, сегодня свет поярче, поярче!»

Ко мне в тот вечер перед спектаклем все подходили: «Коленька, удачи!» Появилась Р. К. Карельская: «Господи, Цискаридзе, ты понимаешь, я еле вошла в театр! Ты бы видел, что делается на площади! Ощущение, будто вся Москва пришла сегодня на твою „Спящую красавицу“, в театр зайти невозможно!»

9

Когда я готовил Карабос, посмотрел на видео всех лучших исполнителей этой роли. Юрий Ветров мне больше всех нравился, непревзойденный исполнитель игровых ролей. Несколько раз ко мне на репетицию зашел Н. Б. Фадеечев, посмотрел, сделал какие-то пожелания. Было почти невероятно, чтобы папа Коля, как я его про себя называл, со своей астмой в начале лета в театре появился. Максимова пришла. Образцова звонила с гастролей. Неёлова в этот

вечер играла спектакль, позвонила заранее: «Коленька, я думаю о вас...» В общем, все мои феи меня поддерживали.

В партии Карабос важен не только костюм, но и грим. Я решил внешне сделать свою Карабос «под Майю Михайловну» – она же рыжая, даже родинку над губой нарисовал, огромные ногти приклеил. Когда пришел на сцену перед спектаклем, Перегудов, одноклассник Плисецкой, на меня гениально отреагировал: «Ой, Майечка, привет!»

По роли у Карабос жесты – она постоянно бьет себя в грудь, как бы говорит: «Я (показывая на сцену) здесь (и опять показывает на сцену) буду танцевать!», то есть вы меня не звали, но я здесь буду! Так и я, очень символично получилось. А это первый день, когда мне можно было прыгать. Каждый раз, доходя до этого момента на репетиции, я говорил Ворохобко: «Здесь побегу и прыгну!» А в партии Карабос есть только один-единственный прыжок: она бежит вниз по лестнице, потом на двух ногах как подпрыгнет! Получилось, что впервые после травмы я прыгнул прямо на сцене и именно в том спектакле.

Все прошло прекрасно. Когда сцена с Карабос в I акте «Спящей красавицы» закончилась, основная часть зрительного зала встала со своих мест и ушла из театра... Янин бдительно восседал в директорской ложе. Второй исполнитель этой партии, А. Лопаревич, не знал, что стоит в бенуаре сзади камеры, которая меня снимала. Все его реплики, сделанные во время спектакля, оказались записаны. Я посмеялся,

услышав их дома. Одна из них: «Кесарю – кесарево, а слесарю – слесарево!» Подошел я к нему на следующий день и сказал: «Лёшенька, ты абсолютно прав! Ты слесарь, и до кесаря тебе очень далеко».

После того как я станцевал Карабос, состоялся второй «крестовый поход» энтузиастов-педагогов к руководству, чтобы мне запретили давать класс. Тут я достал свои две Госпремии и опять пошел проторенной дорожкой в директорский кабинет Иксанова: «Оформите меня, пожалуйста, на полставки педагогом, чтобы разговоров не было!» За это я стал получать 6000 рублей в месяц.

10

В перерыве между двумя курсами реабилитации в Капбретоне, находясь в Москве, я по вечерам при первой же возможности ходил в театры. Как-то на мюзикле «Двенадцать стульев» ко мне подошла продюсер Катерина Гечмен-Вальдек с какой-то девушкой. Сказала, что передо мной будущая Джульетта и что вслед за «Нотр-Дамом» она собирается ставить «Ромео и Джульетту» Ж. Пресгурвика. А я на зарубежных гастролях 2001 года купил DVD с этим потрясающим французским мюзиклом: «Как жаль, что не пою, а то бы пришел к вам на кастинг». Мы рассмеялись, но вскоре Катя позвонила и сказала, что приглашает меня участвовать в «Ромео и Джульетте» в роли Судьбы.

«Но в оригинале эту роль играет женщина!» – удивился я и услышал в ответ: «У Судьбы нет пола!» Катя сказала, что французы, узнав обо мне, с радостью перекроили под Цискаридзе эту партию.

А мне еще нельзя было ни прыгать, ни вращаться, потому я, находясь на сцене почти весь спектакль, как бы сопровождал пластически развитие сюжета.

Мою премьеру в «Ромео и Джульетте» назначили на октябрь. Мы с Катей поехали в Италию, где в замке XIV века, принадлежащем потомкам герцогов Висконти, рядом с Миланом, два дня снимался клип к мюзиклу. Его владельцы принимали нас очень тепло, оказалось, они видели меня в La Scala.

Вернувшись в Москву, весь август, изо дня в день, я ездил на велосипеде, подаренном мне Катей, качал ноги, и каждый день ходил в театр заниматься. В сентябре предстояло станцевать Дезире в «Спящей красавице». В это никто не верил, меня «списали».

На велосипеде от своего дома на 2-й Фрунзенской улице я доезжал до Новых Черемушек, где жил Пестов, гонял в магазин, покупая ему продукты. Пётр Антонович руками всплескивал: «Господи, Коля, как такое возможно!» Он за меня очень переживал, но виду не показывал. Мы с ним много тогда смеялись.

Как-то раз я поставил себе цель – въехать на Метромост на Воробьевых горах ни разу не остановившись, и загадал:

если сделаю это – затанцую. Сказать, что это очень тяжело, – ничего не сказать. Мало того что в гору подниматься, рядом несется поток машин. Но я исполнил то, что загадал. В день ездил часов по пять в Нескучном саду, в Лужниках, на Патриарших прудах. Крутил педали до тех пор, пока нога не отказывалась двигаться.

Однажды нарезал круги вокруг Новодевичьего монастыря, когда туда патриарх приехал, его телевидение снимало. Я случайно попал в поле зрения камер. Вечером меня, пересекающего на велосипеде, по всем каналам показали.

В то время в моей квартире появилась кошка по имени Тяпа. Она сразу себя повела как полноправная хозяйка, разрешив мне проживать с ней рядом в пределах одной жилплощади.

11

Как-то пришел я в гости к Спиваковым, предупредил, что заскочу ненадолго. «Куда собрался? Посиди!» – сказал Володя. «У меня в тренажерном зале время качалки, не могу пропустить». – «А что, у вас в театре нет тренажеров?» – «Нет у нас ничего!» И... Спиваков с супругой подарили мне тренажер. Его привезли в Большой театр, я лет пять на нем занимался, потом отдал его ребятам из кордебалета. До недавнего времени это был единственный тренажер на весь ГАБТ.

Начался 229-й сезон Большого театра, у меня 13-й. Поняв,

что «Спящую красавицу» в середине сентября не осилить, я стал готовиться к «Пиковой даме». Сомнений по этому поводу у меня не было, зато они были у всех остальных. Как-то бегу по лестнице в буфет, слышу разговор в курилке «лучших людей на районе», включая Гуданова.

Когда Гуданов пришел в театр, он был на год меня младше, я к нему хорошо относился, способный парень. Но очень скоро Дима, возомнив себя звездой, заявил мне в лицо, что я занимаю его место! Когда я сломался, в театре ему отдали партию Германна в «Пиковой даме». Приехали ассистенты Пети, но сам Ролан никогда с Гудановым не только не репетировал, но даже в спектакле его не захотел увидеть. Дима не был ему интересен.

Так вот, про разговор в курилке. Слышу, Гуданов говорит тоном капризной звезды: «Да не может он, он не будет никогда танцевать, я буду за него сейчас все спектакли танцевать!» Стоя на лестнице, я про себя подумал: «Ты? За меня? Только вперед ногами!» У меня в горле комок встал.

12

Мое полноценное возвращение на сцену случилось в мюзикле «Ромео и Джульетта» на сцене Московского театра оперетты 1 октября 2004 года. В зале: и «наши», и «не наши», и всевозможные VIPы. Катя Гечмен-Вальдек, как говорится, взбила пену, шороху навела. По ТВ крутили клип,

мои интервью, рекламный плакат мюзикла со мной – полуголым – висел по всей Москве. Объясню, почему полуголым. Смешная история.

В июне месяце, когда я станцевал Карабос, мне позвонили из российской редакции журнала «Vogue»: «Николай, у нас есть задумка сделать фотосессию солистов Большого театра». Для съемок пригласили безумно модного и знаменитого на весь мир французского фотографа Матиаса Вринса со стилистом, работавшим с принцессой Дианой, Джекки Кеннеди...

В назначенное время я оказался на Петровке в отеле «Марриотт Аврора», где находился салон красоты «Guerlain», который являлся одним из участников этого проекта. Мне помыли голову, немного укоротив волосы, и сделали их совершенно прямыми, объяснив, что кудри не в моде.

Зайдя в свою гримерку в ГАБТе, я увидел, что на плечах висят мои 14 костюмов к разным балетам, и понял, что съемка на сутки как минимум. Спрашиваю: «Во всех костюмах будем сниматься?» – «Да-да-да-да, во всех!»

Когда мне на лицо наносили легкий грим, в раздевалке появился Матиас Вринс. Человек необыкновенной красоты: хорошего роста, лет сорока, слегка загорелый, каштановые волосы, голубые глаза, одет... Не человек – картинка. А вслед за ним вырисовался высокий афроамериканец, тоже немыслимой красоты.

Француз вокруг меня походил и вдруг спрашивает: «Николя, у вас есть маленькие черные плавки?» – «Есть, под какой костюм надевать?» – «Нет-нет, начнем с плавков, потом остальное».

Мы поднялись на крышу портика Большого театра, прямо к Аполлону, управляющему квадригой. Июнь. Полдень. Я не боюсь высоты, посмотрел вниз, там люди ходят. Вринс приклонил меня к одному из коней. Они раскаленные от солнца и страшно грязные, слой черной сажи, пыли с палец толщиной.

Съемка продолжалась уже минут сорок, когда я понял, что силы на исходе. Мало того что нещадно пекло голову, от самой скульптуры и железной крыши шел жар, так я еще стоял практически на самом краю постамента квадриги, а это ну очень близко от края крыши...

Вринс, щелкая снимок за снимком, то и дело подходил ко мне, по миллиметру сдвигая все ниже и ниже линию резинки моих плавков. Затем за меня принимался визажист. Он деловито поправлял мне волосы и проводил бесцветной помадой по губам. В какой-то момент я подумал, что эта съемка никогда не закончится и буду я стоять около гениального творения П. К. Клодта вечно, как Прометей!

Совершенно измученный и ошалевший, я наконец понял, чего хотел Вринс: «*Vous voulez que je me déshabille?*» «*Oui!*» – выдохнул фотограф. «*D'accord, mais plus vite*», – обреченно выдавил я. Что в переводе с французского означало:

«Вы хотите, чтобы я остался без всего?» – «Да!» – «Хорошо, но фотографируйте быстрее».

Оставив меня в костюме Адама, сделав несколько фото, Матиас шагнул вперед и, опустившись вдруг на колено, поцеловал мою руку. «Съемка закончена», – сказал он. «А костюмы?» – «Всё!» – прозвучало в ответ.

Наши театральные уборщицы, прилипшие к окну холла, выходившего как раз на крышу портика, в ужасе наблюдали за этим триллером: голый Цискаридзе на фоне квадриги с Аполлоном, суется рядом чернокожий красавец и белый бог, целующий Цискаридзе руку. Я теперь думаю, какое счастье, что мобильных телефонов с камерами тогда еще не изобрели!

Мой снимок из этой фотосессии стал всемирно знаменит. Где его только не напечатали. Но первым изданием был октябрьский номер «Vogue» 2004 года. В нем были фотографии и других артистов ГАБТа, но именно мой снимок стал «кадром года». После этого весь балетный мир разделся, и артисты полезли на крыши своих театров. Парижская опера выпустила целый альбом с Б. Пешем, М. Легри, О. Дюпон, позирующими обнаженными на крыше Оперы. Но первым-то был я.

Оказалось, что всю эту затею с моим ню, от выбора фотографа до «одежды», придумала и привела в исполнение моя подруга, тогда главный редактор русской версии «Vogue», – Алена Долецкая.

Когда Катя Гечмен-Вальдек увидела эту фотографию Вринса, захотела сделать ее рекламой «Ромео и Джульетты», но «Vogue» не разрешил. Меня сняли заново примерно в том же духе, и я с обнаженным до определенного предела торсом на постере еще почти год висел по всей Москве, дразня «доброжелателей».

13

Приближалось 13 октября с «Пиковой дамой». Травмированная нога по-прежнему немела. Приземляясь на нее, я не понимал, на что приземляюсь, я ее просто не чувствовал. Тогда я решил, что надо научиться не обращать на это внимания. Еще лет десять после травмы, трогая колено, я ничего не чувствовал, видимо, во время операций были задеты какие-то нервные окончания.

Перед спектаклем мне дали репетицию с Фадеечевым и концертмейстером. Пустая сцена Большого театра, без кулис, совершенно открытое, огромное пространство – и я там один. Начинаю танцевать, делаю шаг – и падаю, делаю шаг – и падаю, делаю шаг – и падаю. Не могу описать, что это было! В какой-то момент, сев на пол, в отчаянии, глотая слезы, я с ужасом выдохнул: «Я... не могу...»

Николай Борисович тогда уже ходил, тяжело опираясь на палку. Грузный, он вдруг неожиданно ловко вскочил со своего стула, стоявшего на рампе, и, бросившись ко мне, стал

с силой, точно пикой, толкать меня своей палкой, больно попадая то в мое плечо, то в ребра, повторяя почти злобно: «Ты не будешь останавливаться! Ты будешь двигаться! Будешь!» Действуя таким образом, Фадеечев заставил меня пройти весь балет от начала и до конца.

Наступил день спектакля. Захожу на свой этаж и вижу, что костюмер готовит чужой костюм Германна, у моего пуговицы были особенные, эксклюзивные, их невозможно спутать. В тот момент на телевидении снимали документальный фильм «Встань и иди» о моем возвращении на сцену, потому за мной везде следовала камера. Хорошо, что оператор прервал съемку, видимо, заметив «специфическое» выражение моего лица. Зайдя в свою раздевалку и не обнаружив своих костюмов, я гробовым голосом позвал костюмера.

Когда она зашла, я спросил: «Наташенька, а почему ты готовишь не мой костюм?» – «Гуданов пришел и сказал, что танцевать сегодня будет он, потому что ты не можешь». В ответ она много чего «доброго» от меня слышала...

На спектакль меня поддержать вновь пришли все мои друзья и знакомые. Те, кто оказался занят или был на гастролях, непременно звонили, мол, помним, любим, верим в тебя.

В тот вечер я все сделал, станцевал Германна как полагается. Что меня потрясло, вернее – кто, так это Фадеечев. Николай Борисович в жизни производил впечатление очень спокойного, даже флегматичного человека, казалось, он за своих учеников вообще никогда не переживает. А тут пер-

вый раз я видел, как у папы Коли от волнения тряслись руки, просто ходуном ходили. Он пришел и перед началом «Пиковой дамы» долго стоял на сцене, то и дело перекладывая свою палку из руки в руку. Это было вообще из разряда impossible, невозможно!

Не так давно Фадеечева не стало. Когда мы его похоронили, Таня Расторгуева, его невестка, сказала: «Знаешь, Коля, он всегда своих учеников хвалил, но при этом рядом с тобой никогда никого не ставил. Если о тебе заходил разговор, он всегда говорил: „Коко – это десерт!“»

Я в свою очередь безумно любил и уважал Николая Борисовича. Не могу себе представить, чтобы он мне что-то в зале на репетиции сказал, а я бы это забыл сделать. Это был не страх. Я Пестова безумно боялся. Уланову – опасался. Семёнову – боготворил, я был продолжением Марины, частью ее руки, подолом ее платья. Симачев был для меня, совсем юного, абсолютным авторитетом. А на момент работы с Фадеечевым я был уже взрослым, сложившимся артистом, и я его боготворил...

Есть у меня в сознании свой пьедестал танцовщиков. И там, где-то очень высоко, стоит Фадеечев. Присматриваюсь – бесподобная фигура, поразительно красивое лицо, манера, жест, но с точки зрения техники... нельзя сказать, чтобы он сегодня попадал в эстетику. И тем не менее Фадеечев недосягаем. Удивительное чувство меры, вкуса во всем, ничего лишнего. Эталон на все времена.

Кстати, Николая Борисовича как танцовщика даже Пестов со своими капризами признавал. Как-то он мне рассказал, что пришел на «Лебединое озеро» с Фадеечевым. И когда тот – принц Зигфрид – появился на сцене и начал просто снимать с руки перчатку, Пётр Антонович замер: «В этот момент я погиб, передо мной стоял гений!»

Лица Николая Борисовича после «Пиковой дамы» я тоже никогда не забуду. Он светился, разве что не прыгал от счастья, смеялся в голос. Про себя в тот момент не помню вообще ничего, кроме того что навалилась безумная усталость.

Пришел домой, первый, кто мне позвонил, была Марина Неёлова. В тот вечер в «Современнике» она играла «Сладкоголосую птицу юности». Марина Мстиславовна сказала: «Коля, я весь спектакль думала только о вас, не знаю, что уж я там наиграла. Понимаю, как вам было тяжело». Было действительно непросто, но через день, 15 октября, я станцевал «Пиковую даму» еще раз. Премьерский мужской состав труппы ГАБТа напрягся...

14

...Летом 2003 года Московский международный кинофестиваль закрывался показом нового фильма Ф. Дзеффирелли «Каллас навсегда». В Москву приехала исполнительница главной роли – Фанни Ардан, меня ей представили. Я и так обожаю Ардан, а тут она еще и Каллас сыграла. Однажды на

одном интервью меня спросили: «Кем бы вы хотели быть?» – «Помадой на губах... Фанни Ардан», – ответил я.

А в сентябре Москву посетил знаменитый импресарио Мишель Глотц, который работал с Марией Каллас долгое время. Нас рядом посадили за столом в ресторане. В фильме Дзеффирелли актер Джереми Айронс в общем-то Глотца играет. Я стал его о Каллас расспрашивать. «Все, что показал Франко в фильме, могло быть правдой, – сказал он, – мы действительно уговаривали Марию взять ее записи и по ним снять фильм-оперу. Она сказала: „Нет! Или я пою, или я не пою!“ Про то, что у Каллас пропал голос, много легенд ходит. На самом деле у нее никогда не заканчивался голос, у нее закончились нервы. Когда она оставалась одна в комнате, сидел я или ее помощница, она пела, как великая Каллас. Стоило появиться кому-то чужому – голос исчезал, сразу. Ответственность быть Марией Каллас ей насмерть ударила по нервам».

Почему я о том вспоминаю. Потому, что в это время у меня впервые стали сдавать нервы. Ответственность танцевать так, как должен танцевать Цискаридзе, легла на мои плечи тяжелым грузом. Заканчивался спектакль, мне страшно не хотелось идти на поклоны, хотелось скорее в гримерную, в душ и домой, к Тяпе.

В конце октября в Москву приехал Пети со своим спектаклем «Ролан Пети рассказывает...», о котором я уже упоминал. На Новой сцене ГАБТа в течение двух вечеров мы с Илзе Лиепа танцевали 30-минутную версию «Пиковой дамы».

Тут выясняется, что всем артистам, кроме нас, за выступления заплатили. На наше законное «почему?» руководство театра ответило: «Ну и что, что вы выходите на сцену? Вы можете и подарить свои танцы». По поводу подарка Пети у нас с Илзе сомнений не было, осадок остался оттого, как с нами поступили. Сказать Ролану, что нам не платят за выступления, мы, конечно, не могли.

Параллельно с этим в Большом театре начались постановочные репетиции балета по комедии В. Шекспира «Сон в летнюю ночь» Дж. Ноймайера. Я получил роль Оберона/Тезея, моей партнершей стала С. Захарова. Интересный, сложный, большой спектакль, который Джон прежде ставил для своей труппы в Гамбурге, а потом для многих театров Европы, включая Парижскую оперу.

Но мне там досталась самая неинтересная роль. Я не столько танцевал, сколько бесконечно носил балерину. Изначально эта партия сочинялась на «такелажного» Ивана Лишку. Это человек-гора, выше меня на голову, шире в плечах

раза в два, а балерина, с которой он танцевал, была ростом как его нога, потому он мог ее крутить хоть на одном пальце.

Назначая нас со Светой на роли, Ноймайер хотел подобрать гармоничный дуэт, все-таки королева фей и король эльфов. Но Света на «пальцах» – с меня ростом, делать поставленные Джоном виртуозные поддержки... Это было нечто на грани возможного.

В результате танцев у меня нет, и Светы нет. Она все время куда-то уезжала на гастроли. Приходилось репетировать с другими балеринами, а у них другой рост, другие ноги. Меня так и подмывало отказаться от спектакля, но Ноймайера не было в Москве.

Света приехала за две недели до премьеры, я стал с ней учить спектакль. Партия Ипполиты/Титании Захаровой очень подходила, возможно, это лучшая ее роль. У нас сложился красивый дуэт, мы выглядели единым целым.

Я передумал отказываться от балета, но дался мне он очень тяжело. Сложнейшие поддержки то на руках, то на плече, то уж не знаю на чем! На одной из них, со Светой, стоявшей на моей голове, я должен был сесть на колено. Опускаюсь, а оперированной ноги не чувствую, жуть какая-то.

Наконец приехал Ноймайер. Он – человек великолепно образованный. Не рассчитывая на то, что артисты балета «дружат» с книгами, он постоянно после репетиций читал нам лекции о Шекспире, о влиянии Блейка на английскую литературу и так далее. У Джона начинался неуправляемый

и бесконечный поток сознания. Он привык так работать у себя в труппе в Гамбурге. А у нас со Светой мало того что идут собственные спектакли и репетиции, в его балете еще три часа бесконечных танцев: четыре тяжелейших дуэта и свои сцены. Я на себе, кроме Захаровой, еще и Яна Годовского, исполнявшего роль Пака, носил: ношу его, ношу, а тут шаг и двойное *assamblé*, снова ношу – опять шаг, двойное *assamblé*, и далее всё в том же роде.

Во «Сне в летнюю ночь» у Джона есть эпизод сватовства – «Кавалер роз». На сцене одновременно человек двести танцует: все главные персонажи, кордебалет, занят каждый метр. Красиво поставлено. Выходит Герцог (я его изображаю), ему подают розу, которую он отдает Ипполите – Захаровой. Мы передачу этого цветка репетировали в течение нескольких дней!

В какой-то момент я взмолился: «Джон, простите, пожалуйста, у нас дуэты не отрепетированы!» Время летит, а мы розой занимаемся, которую на сцене Большого театра могли рассмотреть от силы пара десятков зрителей первых рядов партера. Ноймайер замер, услышав мою реплику, потом стальным тоном произнес: «В моих спектаклях нет ничего лишнего». Я бы с ним в этом смысле сильно поспорил, а про себя подумал, что Пети бы так никогда не сказал!

К премьере Джон нас со Светой окончательно и бесповоротно замучил. Другие исполнители главных партий, включая премьеров – Уварова и Филина, внезапно занемогли. Мы

с Захаровой отработали все прогоны, две генеральные репетиции, а потом еще три премьерных спектакля: 22-го, 24-го и 26-го декабря. 28-го и 29-го я выходил в мюзикле «Ромео и Джульетта», 31 декабря традиционно станцевал в «Щелкунчике».

16

Конец 2004 года запомнился мне печальным событием. В канун католического Рождества скончалась Эмма Ивановна Степанова – верный друг, поклонница, «перешедшая» мне от Улановой и Колпаковой. Накануне премьеры «Сна в летнюю ночь» она позвонила: «Коленька, я завтра ложусь в больницу, у меня операция. Я оттуда не вернусь, больше тебя не увижу. Звоню, чтобы сказать – твои спектакли дарили мне необыкновенную радость, делали мою жизнь прекрасной».

Я попытался ее приободрить, сказал, что у нее замечательная семья, которая ее обожает, и услышал: «Это все прекрасно, но ничего лучше, чем спектакль с твоим участием, в моей жизни не было».

Эмма Ивановна ходила на все мои выступления, затем звонила, выдавая подробную рецензию. После «Пиковой дамы» призналась: «Коленька, я не могу смотреть этот спектакль. Вы понимаете, вы... вы воспеваете подонка! Вы так его потрясаяще танцуете, что я плачу и переживаю за него. А ведь он – олицетворение всего самого ужасного! Но ваше

обаяние его переплюсовывает!» Я тогда впервые задумался на эту тему. И каждый раз после «Пиковой дамы» Эммочка звонила и говорила: «Коленька, замечательно, но это ужасно!»

17

Во время постановки «Сна в летнюю ночь» меня вызвал Ратманский, предложил станцевать его балет «Лея». Я честно сказал: «Лёш, знаешь, там много надо ползать на коленях. Давай лучше „Светлый ручей“ станцюю?» Ратманский ставил этот балет, когда я в Японии «Юношу и Смерть» танцевал.

Начали с Лёшей репетировать партию Классического танцовщика, который в одной из сцен переодевается в костюм Сильфиды и шалит на пуантах. Это был, на мой взгляд, один из немногих ярких моментов в спектакле. До меня исполнители этой роли просто комиковали, надевая женские балетные туфли. Мне это было неинтересно, моя Сильфида по-настоящему затанцевала, запрыгала, закрутилась в пируэтах, успевая в паузе выкурить папироску. Я ведь мог на пуантах все что угодно сплясать.

...Пока я залечивал свою травму, Ратманский, ставший руководителем балета ГАБТа, привел в театр свою жену – Татьяну Киливнюк, в прошлом артистку театра оперы и балета им. Т. Шевченко в Киеве. Она без всякого смущения стала указывать педагогам – Народным артисткам СССР, как на-

до репетировать, и балеринам – тоже Народным артисткам, как надо танцевать. К моменту моего появления в Москве после травмы с Татьяной все переругались до такого состояния, что Лёше посоветовали держать супругу от театра подальше.

Одновременно со мной партию Классической танцовщицы в «Светлом ручье» готовила Степаненко. Год назад на премьере этого балета Галя собиралась исполнить другую роль, там было аж две главные героини. Но в день спектакля у нее с Ратманским случился большой скандал. Лёша тут же снял Галю с партии, заменив другой балериной.

На этот раз у Степаненко со «Светлым ручьем», как говорится, тоже не сложилось. Нам дали оркестровый прогон на Верхней сцене, в зрительной части тут же появилась Киливнюк. У меня с ней на тот момент были совершенно нормальные отношения. Когда репетиция закончилась, Таня вместе со Стручковой и Фадеечевым вдруг поднялась на сцену. Мы с Николаем Борисовичем что-то обсуждали, когда Киливнюк беспардонно вмешалась в разговор: «Вы и тут неправильно делаете, и здесь неправильно делаете». Я ей: «Тань, Лёша сам это репетировал». Фадеечев тоже молчать не стал: «Алексей нам показывал, мы не учили с записи». А она: «Вот вам в Большом театре вообще ничего нельзя сказать, вы все воспринимаете в штыки!» – «Если нам балетмейстер так сказал, почему мы должны делать по-другому?» – удивился я. «Вы и классику так танцуете – кое-как!» – «Танечка, – оста-

новил я ее, – ты представляешь, чтобы к Рае Хилько (прима-балерина в Киеве) подошла бы девочка из кордебалета театра в Днепропетровске и посмела ей сделать замечание? Ты вообще в своем уме?» Таня побледнела, схватила подошедшего Ратманского за руку и увела его со сцены.

Мы с Галей «Светлый ручей» все-таки станцевали. Там был эпизод, когда Классическая танцовщица, переодеваясь в какой-то момент в мужской костюм, пляшет с кубанскими казаками. Стручкова, тогда педагог-репетитор Степаненко, предложила Гале надеть в этой сцене папаху, а в конце танца сбросить ее, чтобы показать, что она – девушка, сказала: «Так было в старом спектакле». Раиса Степановна, совсем юной, видела в 1935 году премьеру «Светлого ручья» в постановке Ф. Лопухова в ГАБТе.

Но Киливнюк такого кощунственного искажения «шедевра» мужа не перенесла. И приложила руку, чтобы Степаненко больше никогда этот балет не танцевала.

Конечно, Таня с радостью и от меня бы избавилась, но моя Сильфида оказалась одной из немногих «приманок», способных завлечь зрителя на этот спектакль. Киливнюк больше не появлялась на репетициях, перестала ходить и на прогоны, но я стал для нее врагом № 1.

Что еще забавно: все репетиции «шедевра» Ратманского – балета «Светлый ручей» – в обязательном порядке снимались! Видимо, чтобы при случае можно было показать в кино или на ТВ процесс творчества этого балетмейстера, непо-

нятно почему считающего себя большим талантом.

18

Моя жизнь в театре в обозримом будущем не сулила легких времен. Поддерживало то, что рядом всегда находились не просто хорошие, а интересные, талантливые люди, чьей дружбой я очень дорожил и дорожу. Такой феей для меня стала М. М. Неёлова.

Посмотрев в детстве фильм «Старая, старая сказка», я безоговорочно, на всю жизнь влюбился в прекрасную Принцессу. Ее лучистые глаза, неповторимый, завораживающий тембр голоса со множеством обертонов сразили меня, ребенка, наповал.

Потом по телевизору я увидел спектакль театра «Современник» «Спешите делать добро» по пьесе М. Рощина. В нем были заняты очень известные артисты, но с Неёловой, игравшей роль девочки пятнадцати лет, никто сравниться не мог. А у нас с мамой была подруга в Тбилиси, которая, прямо как Марина Мстиславовна в том спектакле, очень смешно разговаривала: таким высоким-высоким, то и дело срывающимся детским голосом. Как только я ее видел, сразу Неёлову вспоминал. Даже по детской наивности думал, а может, они знакомы?

Следующее воспоминание – потрясение, связанное с Мариной Мстиславовной, фильм режиссера И. Авербаха «Мо-

нолог». Мы с мамой смотрели его в клубе какого-то санатория. На мой взгляд, абсолютно «оскароносная» роль.

Оказавшись в Москве, я с помощью своего училищного пропуска зачастил не только на балеты, оперы, оперетты, но и в драму, в том числе в «Современник». Тогда на улице и внутри вестибюлей метро стояли киоски, где продавались билеты на спектакли и всевозможные концерты. К стеклу, с внутренней стороны, обычно приклеивались две большие сводные афиши: одна – драматический театр, другая – музыкальный. Я их изучал очень серьезно, стараясь не пропускать, когда Неёлова играла. Со временем посмотрел ее в спектаклях «Вишневый сад», «Играем... Шиллера!» и во всех других.

А в «Сладкоголосой птице юности», поставленной в 2002 году, в одной из сцен героиня Неёловой появлялась на пуантах, которые для нее уже я, на правах доверенного лица, разминал. Во-первых, приносил ей из Большого театра эти туфли, а потом молоточком проходил по носкам в местах, где они были излишне жесткими.

Лично с Мариной Мстиславовной и ее маленькой дочкой Никой мы познакомились в середине 1990-х годов, на сцене Большого театра после «Щелкунчика». Их туда привела мама моего школьного приятеля, тоже артиста ГАБТа, Славы Голубина. Увидев перед собой Принцессу из «Старой, старой сказки», я глазам своим поверить не мог. Неёлова тем временем обратилась к дочери: «Ника, что ты можешь

сказать о принце?» «Шедевр», – не задумываясь ответила моя тезка. У меня ноги подкосились. С этого вечера Марина Мстиславовна так и стала меня называть: Шедевр. Мы начали общаться, дружить. При первой же возможности я приходил на спектакли Неёловой, а она на мои.

...Одно из первых представлений «Пиковой дамы» Р. Пети в ГАБТе. Знаю, что Марина Мстиславовна в зрительном зале... Наступает момент, когда мой герой – Германн – кидается в глубь сцены и, припав к колонне, в смятении чувств стоит несколько минут спиной к публике...

При встрече Неёлова мне и говорит, да так взволнованно: «Коля, я вообще не понимаю, как вы это делаете?! То, как вы спиной стояли, обнимая колонну, об этом надо писать книги. Чаще всего на сцене я вижу бездарные спины. А это просто Микеланджело, такой монолог! Ваши руки на колонне забыть невозможно!»

Услышать подобные комплименты от Неёловой – это что-то на грани фантастики, это больше, чем похвала, просто пропуск на пять минут в актерский Рай. Но солгать ей не мог, признался: «Я в этот момент продувал резонатор». «Что?! – воскликнула Неёлова. – Не знаю, что уж вы там делали, но из зрительного зала это была поэма, просто строки Пушкина!»

А про резонатор, чтобы понятно стало... Однажды я был в гостях у Е. В. Образцовой. Зная, как я восторгаюсь Каллас, Елена Васильевна поставила кассету с видеозаписью ее концерта. Сидим, пьем чай. Звучит вступление к арии героини

в «Пиратах», очень долгое. Вдруг Каллас берется за сердце, отворачивается, прикрывая лицо руками. Образцова: «Знаешь, что она сейчас делает?» Я ей ответил что-то про переживание, настоящее актерское искусство, настолько выразительно, драматично выглядела ее поза. «Ничего подобного! Она продувает резонатор!» – залилась смехом Елена Васильевна. Ария начинается с высоких нот, и Каллас, чтобы продышаться, отвернувшись от зрителей, набирала через рот воздух и с силой выдыхала его через нос.

Так и я, припав в колонне, продувал резонатор, чтобы восстановить дыхание, поскольку впереди меня ждала еще половина этого суперсложного балета Пети. Мое признание про продувание резонатора Неёлову очень позабавило и очень рассмешило. Но ее высокая оценка моей работы навсегда осталась в памяти.

19

2005 год, как обычно, начался обоями «Щелкунчика», «Дочери фараона», которую в театре, недолюбливая, прозвали «Дочерью Парамона», «Пиковой дамой» и «Светлым ручьем». Я вел весь репертуар, не делая себе никаких поблажек. Нога медленно, но восстанавливалась, помогал тренер, подаренный Володей Спиваковым, вера в себя и внимание, помощь со стороны Фадеечева. Те, кто ждал окончания моей карьеры, изрядно приуныли, наблюдая, как я танцую

один за другим свои, а затем и чужие, по заменам, спектакли. Между тем война между мной и клакерами ГАБТа, начавшаяся в 2003 году из-за того, что я отказался проплачивать их аплодисменты, продолжалась. Откровенное зашикивание в моменты моих выступлений сменилось новой тактикой. хлопущи стали активно создавать успех моим партнерам. Но заставить молчать 2200 зрителей Большого театра оказалось невозможным. Я отдавал на сцене всего себя, и публика отвечала мне тем же: на пять выходов на поклонны, устроенных клакерами другому артисту, я, благодаря поддержке зрительного зала, выходил кланяться раз пятнадцать.

Тогда клака решила использовать старый «дедовский» способ – клязу, причем очень грубо сработанную. Было видно, что писали ее люди без всякого воображения. В письме, адресованном в Дирекцию Большого театра от имени преданных поклонников балета, они просили оградить их, зрителей, от инвалида Цискаридзе, не способного танцевать. Но театральное руководство оставило послание незамеченным. И не потому, что питало ко мне теплые чувства, а оттого, что билеты на спектакли с моим участием стоили больших денег и разлетались моментально. Как говорит герой С. Филиппова в фильме «Укротительница тигров»: «Каземир Алмазов – это касса!» Деньги в ГАБТе решали всё.

Неожиданно мне позвонили из Мариинского театра, предложили станцевать с Ирмой Ниорадзе «Манон» К. Макмиллана, роль кавалера де Грие, о которой я мечтал, по ко-

торой лил слезы долгие десять лет!

Петербург, март, небо на носу – самая тяжелая, гнетущая пора. Труппу Мариинки косил грипп. Заново, один, я готовил эту большую, сложную роль. Мне помогала концертмейстер Лида Зверева – дорогой мой человек, замечательный пианист. Она и оказалась на «Манон» моим репетитором. Я танцевал, а Лидочка: «Колечка, тут надо бы повторить, вот здесь было что-то не совсем хорошо...»

Совместные репетиции с Ирмой не всегда проходили гладко. Она любила долго находиться в зале, сто раз повторять и проверять одно и то же. На «Манон» артисты – исполнители главных ролей традиционно ругаются. Там потрясающе красивые, но очень тяжелые дуэты со сложными поддержками.

Едва ли не каждая репетиция с Ирмой заканчивалась в кабинете у и. о. заведующего балетной труппой Мариинского театра Вазиева. Ирма приходила к нему: «Махар Хасанович, я сегодня ухожу из балета!» И уходила. Потом появлялся я, сидел, и мы ждали, когда найдут Ирму, чтобы я просил у нее прощения. Она возвращалась: «Не, не, я с ним танцевать не буду. Не, не, не!» Я говорил: «Ирма, ну что ты хочешь? Мне надо поддержки попробовать!» Она с патетикой в голосе: «Я ему говорю: „Посмотри мне в глаза, протяни мне руку от сердца!“ А он мне, Махар Хасанович, в ответ: „Толкнись!“, как такое возможно?!»

Поскольку я часто танцевал в Мариинском театре, у меня в Петербурге образовался круг близких друзей. Однажды после спектакля кто-то из них привел за кулисы А. Б. Фрейндлих, которая, как оказалось, очень любит балет. Так уж складывалось, что всех своих фей я находил, вернее, они материализовались после моих спектаклей именно на сцене! С той поры я стал ходить в Большой драматический театр им. Г. А. Товстоногова на спектакли Алисы, как она позволила мне себя называть.

Однажды Фрейндлих позвонила: «Коль, мы последний раз играем „Коварство и любовь“, приходи, если хочешь». Конечно! Я хотел! Для меня Алиса на сцене – это высокое искусство и в то же время большой урок мастерства. Как не пойти?! К тому же этот спектакль Т. Чхеидзе был настоящим театральным хитом, который в течение многих лет шел при переполненном зале.

Однако время бежало, и актеры, занятые в нем, как говорится, моложе не становились. Роль Президента, которому в пьесе под 40 лет, играл К. Лавров, которому уже исполнилось 80 лет; Фрейндлих в роли его 30-летней фаворитки тоже находилась в «постбальзаковском» возрасте; атрисе, игравшей 16-летнюю Луизу Миллер, по-моему, было хорошо за 40 лет.

Второго состава исполнителей не существовало. «Всё, – заявили артисты, – играть это больше невозможно. Это уже эксгумация какая-то!» Руководство театра взмолилось: «Сыграете последние два спектакля, и всё».

Оставив мне место в зрительном зале БДТ, Алиса предупредила: «Коля, я тебя знаю. Пожалуйста, не ржать!»

И вот сцена: Алиса – леди Мильфорд, одетая в пеньюар, принимает Луизу Миллер. Прямо королева Анна Австрийская из фильма «Три мушкетера», ручаюсь, никто не смог бы дать Фрейндлих лет больше, чем в том кино.

Идет реплика Алисы: «А сколько тебе лет?» Ее партнерша, одетая в очень скромное серое платье, потупив взор: «Минуло шестнадцать». Я ладонью закрыл себе рот, чтобы «не ржать». Мне же Алиса не велела.

Тут Фрейндлих выдерживает гениальную паузу, как бы осматривая «девушку». Я облегченно вздохнул, посчитав, что провокационный момент миновал. И вдруг звучит ее фраза с гениальной интонацией, на которую способна только Алиса: «Семнадцать... Это так быстро проходит...»

Застигнутый врасплох, я захохотал в голос, и весь зал вслед за мной засмеялся, разразившись громкими аплодисментами. После спектакля, зайдя в гримерную Фрейндлих, услышал: «Я знала, знала, что это ты». К счастью, Алиса – человек с потрясающим чувством юмора.

Когда я купил квартиру в Петербурге, Фрейндлих решила прийти на нее посмотреть. Я предупредил: «Алиса, у ме-

ня квартира, как собачья будка». Она не поверила. Прежние хозяева когда-то разделили свою большую квартиру на две: одну – приличную, вторую – неприличную, общей площадью 31 кв. м. Вот ее-то обладателем и стал я. Главным достоинством моего петербургского жилища является его непосредственная близость к Мариинскому театру. Остальное меня не интересовало. Весь ремонт там я сделал своими руками.

Вердикт Алисы оказался, как всегда, не в бровь, а в глаз. Оглядев мои апартаменты, она вынесла краткий, безжалостный приговор: «Это не квартира, а кабина лифта». Кровать на всю комнату. Над ней – единственное украшение этого «дома» – моя фотография в позе Меркурия, сделанная Л. Т. Ждановым. «Гениально», – почти мрачно промолвила Алиса, разглядывая огромное изображение 120 × 70 см. И тут же добавила: «Но нескромно...» Мы одновременно залились смехом.

21

К слову сказать, я сдружился не только с Фрейндлих, но и с ее дочкой Варей, которая живет в соседнем подъезде нашего дома. Мы у нее часто встречаемся. И все же я очень люблю приходить к Алисе в ее квартиру на улице Рубинштейна. Мне там уютно и по-человечески очень тепло.

Однажды пришел в гости к Фрейндлих со своей подругой. Сидим, ужинаем, смеемся, рассказываем друг другу свежие

анекдоты. Подруга вдруг: «Коль, пойдем в театр? Вот и Алиса говорит, что в Малом у Додина идет очень интересный спектакль». А я так соскучился по настоящему искусству, мне надо было подзарядиться чем-то светлым, хорошим, позитивным перед «Манон». Это же был мой первый выход на сцену Мариинского театра после травмы.

Название спектакля за столом никто не озвучил. С подачи Фрейндлих нам тут же сделали билеты, мы пошли на «хороший спектакль у Додина».

В тот день в Малый драматический театр на улицу Рубинштейна я не шел, а бежал. Запоздывал после репетиции «Манон», пройдя весь балет с Ирмой под бдительным оком ее педагога Н. А. Кургапкиной от начала до конца. А это три акта. Жутко уставший, голодный как собака, я мечтал об одном – забежать перед началом в буфет и съесть сосиску.

Встретившись с подругой, открываю театральную дверь и вижу вдалеке портрет Анны Франк – 15-летней девочки, которая вела свой дневник в концлагере. Понимаю, что попал! «Это про Холокост, пойдем отсюда, я не выдержу», – взмолился я. «Нет, ну что ты, Алиса сказала, что это очень хороший спектакль, заходи!»

Она буквально втолкнула меня в вестибюль. Там – все пространство в портретах, тут же вещи какие-то стояли, видимо принадлежавшие когда-то этим людям: чемоданчик, узелок... Как актеры играли спектакль «Исчезновение» по мотивам произведений Ш. Голана, рассказать невозможно.

Мы рыдали, без слез это нельзя смотреть, я позабыл обо всем на свете. Эмоции, полученные в тот вечер, позднее помогли мне сыграть трагический финал в последней сцене «Манон».

Выйдя из театра, я позвонил Фрейндлих: «Алиса, куда ты нас послала?» – и услышал в ответ: «Это же хороший спектакль, тебе что, не понравилось?» – «Нет, мне понравился, но это же про Холокост». – «А я разве не сказала?» – ангельским голосом поинтересовалась Фрейндлих.

22

«Манон» мне предстояло станцевать 29 марта 2005 года в рамках фестиваля «Мариинский». Сначала шли три бенефиса балерин: У. Лопаткиной, Д. Вишнёвой, Д. Павленко, а потом со мной – балет Макмиллана. В зрительном зале собрался весь театральный цвет Петербурга. Пришел «главный аристократ страны» – актер Игорь Борисович Дмитриев.

Когда спектакль закончился, за сцену прибежала Фрейндлих: «Колька, я так за тебя волновалась, у меня так тряслись руки, меня всю скрутило!» Дмитриев тоже пришел и вдруг неожиданно опустился передо мной на колено. На мгновение опешив, я сделал то же самое. Там мы и стояли друг перед другом на коленях.

Игорь Борисович осыпал меня комплиментами, сказал, что в этом театре вырос, у него мама была артисткой балета; что видел в Мариинском театре великих исполнителей,

но такого сочетания танца и актерской игры, как у меня, после Улановой он не видел. Потом Дмитриев стал читать мне стихи... Это было прекрасно.

Будучи в приподнятом настроении после успеха «Манон», Вазиев пригласил нас всех в ресторан. За ужином сказал, что на следующий год планируются бенефисы танцовщиков – Рузиматова, Зеленского, а потом добавил: «Гергиев тебя предложил пригласить».

Я своим ушам не поверил. В истории русского балета, что в царское время, что в советское, бенефис московскому танцовщику в Мариинском театре даже присниться не мог!

Довольный эффектом произнесенной фразы, Вазиев спросил: «Что бы ты хотел станцевать?» Я не стал мелочиться: «Рубины» с Вишнёвой, «Юношу и Смерть» с Лопаткиной, «In the Middle» с Захаровой. «Это лучшее, что можно представить, – ухмыльнулся он, – договорились». Но Вазиеву я тогда не поверил, и, как оказалось, правильно сделал, он слова своего не держал никогда.

Тем более что недавно произошла такая история. Приехав в Петербург на «Манон» и увидев цифры своего гонорара в контракте, я вернул его, неподписанный, обратно Махару Хасановичу. Попросил передать, что подписывать «это» не буду. Там стояла просто унижительная сумма, несоизмеримая даже с обыкновенными выплатами. Мне принесли договор второй раз, потом третий. Я и их вернул: «Не буду подписывать, не та сумма». Мне тут же ласково посоветовали:

«А ты сходи к Махару Хасановичу...» Вазиев ждал, что я приду к нему, буду унижаться, просить денег. «Он сам со мной поговорит», – ответил я.

В итоге перед спектаклем Махар меня вызвал: «Коля, почему ты не подписываешь договор?» – «Скажите, Махар Хасанович, я танцую хуже, чем ваши премьеры?» – «Нет». – «Вы знаете, что билеты на спектакль с моим участием стоят в четыре раза дороже, чем на спектакли с их участием?» – «Знаю». – «Так почему, если вы считаете, что я танцую не хуже – я не говорю, что лучше, – вы предлагаете мне такие деньги? Если вы мне сейчас скажете, что я танцую хуже, я встану и уеду». Мы с Вазиевым оба знали, что со мной придется считаться, потому что весь зал на «Манон» был давно, втридорога продан. «Да, я понял, – нисколько не смутившись, важно сказал Вазиев, – я этот вопрос решу». После нашего разговора мне принесли нормальный договор. Никогда у этого человека я ничего в жизни не попросил. Никогда.

23

15 мая 2005 года всю страну буквально оглушило известие, что из жизни ушла Наталья Гундарева...

Мне было, наверное, 11 лет, когда в очередной раз с мамой мы прилетели из Тбилиси в Москву на «окультуривание». Она достала билеты в театр им. Вл. Маяковского на «Леди Макбет Мценского уезда» с Н. Гундаревой. Тогда на

весь Советский Союз прогремел телевизионный фильм «Хозяйка детского дома», где актриса потрясающе сыграла главную роль.

Пришли на спектакль. Не помню откуда, но историю про Катерину Измайлову я знал. Она в повести у Н. Лескова и в постановке А. Гончарова – хоть и любящий, а жестокий персонаж. Однако с первой секунды появления на сцене героини Гундаревой, ослепляющей какой-то невероятной, нахальной, плотской красотой, я оказался на ее стороне. Мне стало очень жаль эту Катерину, окруженную такими недостойными мужчинами. Пышнотелая, она словно дразнила собой, соблазняя, не только героя спектакля, но и весь зрительный зал. В конце спектакля я понял, что плачу...

Закрывая глаза, я и сегодня вижу эту Катерину, слышу ее незабываемый голос. То был удар красотой, красотой женщины.

Выйдя из театра, мы с мамой в состоянии какого-то шока, не говоря друг другу ни слова, пошли вниз по улице Герцена к метро.

Через много лет, по-моему в 1998 году, я танцевал «Жизель» в Большом театре. И вдруг на поклонах, стоя у ramпы, в первом ряду партера я увидел стоящую женщину, которая, улыбаясь, демонстративно мне аплодировала. Это была Гундарева! Потом кто-то сказал, что видел ее на моем «Щелкунчике». В гримерной лежал букет от Натальи Георгиевны и короткая записка «Наберите меня» с номером телефона.

Позвонил. В тот вечер я услышал от Гундаревой не столько комплименты, сколько очень глубокий, профессиональный, подробный разбор моей актерской работы, будто речь шла не о балете, а о полноценном драматическом спектакле. Конечно, она видела мою роль с другого ракурса, чем обычный зритель или театровед. Наталья Георгиевна разбирала партию Альберта, как я ее трактовал, от сцены к сцене, останавливаясь на нюансах, о существовании которых я и сам не подозревал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.